

«Она радует глаз свободой»

Анна Остроумова-Лебедева в «Нашем наследии»

Зацепка - 2005. -
05.11.05 - С 32

Сергей Сафонов

В содружестве с канадским Фондом гендерного равенства редакция журнала «Наше наследие» продолжает серию выставок произведений женщин-художниц, оставивших заметный след в искусстве XX века. Экспозиция «Петербург женское лицо» посвящена творческому наследию Анны Остроумовой-Лебедевой (1871—1955).

Анна Петровна много работала в тиражных техниках ксилографии и литографии, и нет ничего удивительного в том, что ее творческое наследие огромно. Нынешняя же выставка ограничена принадлежностью экспонатов к домашней коллекции семьи Синицыных: московский гравер и педагог Николай Васильевич Синицын (1912—2000) в послевоенные годы много общался с художницей, именовавшей его не иначе как «своим представителем в Москве»; в 1964 году он опубликовал монографию «Гравюры Остроумовой-Лебедевой». И хотя в каталог попали

и вполне хрестоматийные, не раз воспроизводившиеся изданиями разных музеев листы «Петербург. Новая Голландия» (1901) или «Ленинград. Фонтанка и Летний сад в инее» (1929), на всей выставке лежит печать некоего исторического контекста, отмеченного отношениями двух конкретных людей, а потому по-своему уникального.

Воспитанница знаменитого гравера Василия Матэ, Остроумова-Лебедева с самых первых своих гравировальных опытов (например, еще в 1899 году, работая над интерпретацией картины Рубенса «Персей и Андромеда») стремилась внести живописное начало в сугубо графическое изображение. Трудно назвать художника, более последовательно, чем Остроумова-Лебедева, увековечивавшего город Петра. Формально ее главными памятниками родному городу стали предреволюционная серия «Больших Петербургов», внутренне близкая более камерному циклу городских видов 1912 года, а также цветная ксилография «Дворец Бирона и барки»

(1916). Но Остроумова-Лебедева — не тот случай, когда стоит говорить об отдельных произведениях, не обратив предварительно внимание на личность их автора. Достаточно вспомнить, что с началом войны Анна Петровна не бросилась в эвакуацию и провела в Ленинграде все 900 дней его жестокой блокады.

При всем мастерстве Остроумовой-Лебедевой как гравера (она действительно сумела возродить технику, постепенно становившуюся репродукционной и вспомогательной) не меньший интерес представляют и ее уцелевшие работы в уникальных графических техниках — например, выполненные карандашом и акварелью «Петербург. Литовский замок» (1909) и «Петербург. Ростральная колонна» (1908). Есть и «промежуточные» листы: автолитографии, чуть подкрашенные вручную. «В гравюрах она владеет той крепостью штриха, которая ей позволяет доводить до крайней степени убедительного лаконизма передачу своих впечатлений; в гравюрах

В разные десятилетия XX века Остроумову-Лебедеву видели с альбомом на набережных и проспектах Петербурга-Петрограда-Ленинграда

она как никто умеет, пользуясь минимумом цветовой шкалы, передавать в красках желаемое настроение. В акварелях она радует глаз свободой мазка, и опять-та-

ки эти вещи блещут чарующими переливами и созвучиями красок, необычайно остро подмеченных на натуре», — писал Александр Бенуа в 1922 году.

Остроумова-Лебедева
Анна

05.11.05.